

Моя Москва

КАК Я СТАЛА МАШЕЙ АРБАТОВОЙ

Медведь - 1997 - №6
Драматург. Эксперт
телепрограммы
"Я сама". Живет
на ул. Усачева

Отец мой, Иван Гаврилович Гаврилин, преподавал марксистскую философию в московских военных академиях, за что имел генеральский чин и подполковничью форму. В пятидесятом году был выслан преподавать в город Муром, наиболее правдоподобным объяснением чего выглядит история чистки кафедры философии в МГУ, которой руководил его друг. Матушка, состоящая в чине невесты, отправилась вслед, как жена декабриста, бросив нас, юную арбатскую жизнь и не защищенную диссертацию по микробиологии. А уже и кандидатский минимум сдала.

Я появилась в 1957 году в городе Муроме, но покинула его в годовалом возрасте. Арбатская коммуналка из десяти комнат с пятиметровыми потолками предстала передо мной городом, более сложным и крупным, чем Муром. Огромные коридоры допускали игру в прятки, вышибали и катанье на велосипеде. Пятидесятиметровая кухня венчалась диверсией черного хода, мир за которым был покрупнее Алисиного зазеркалья. Входные двери поднимались до потолка. Ос-

татки прежней роскоши, изо всех сил затертые честной советской бедностью, проступали витиеватым золотым накатом сквозь масляную краску; стильная ручка двери хихикала над плебейским замком, под жестяным корытом страдал резной антикварный столик, а дубовые паркетины жаждали хороших туфель.

Я застала старушку по кличке "Душечка", горничную прежних хозяев. Душечка утверждала, что в ее обязанности входило только причесывать Лиду Мизинову, которой Чехов писал: "Увы, я уже старый молодой человек, любовь моя не солнце и не делает весны ни для меня, ни для той птицы, которую я люблю!.. Милая Лика, когда из Вас выйдет большая певица и Вам дадут хорошее жалованье, то подайте мне милостыню: жените меня на себе и кормите меня на свой счет, чтобы я мог ничего не делать".

Думаю, Лика употребляла Душечку и на другие нужды. Когда в зале для приемов собиралась богемная знать, включавшая в себя Чехова и Шалыпина, Душечка, подававшая к столу, пользовалась громадным успехом. Это сгубило ее, пойти за человека своего круга она уже не могла, а господа только тешились.

Я помню Душечку полной бабушкой, кормившей детей конфетами и достававшей соседям контрамарки в театры. В гости к ней ходила совсем старенькая Яблочкина, они пили чай и вспоминали дорогих покойников.

Семья моих дедушки и бабушки Айзенштадтов жила в разгороженной стенками Ликиной зале для приемов с глубоким эркером и помпезным буфетом. Дед был известным ученым-агрономом, окончил школы

восточных языков, приехал в Россию, чтоб выучиться и поднять сельское хозяйство на земле обетованной, но не был выпущен после революции обратно, и поднимал сельское хозяйство СССР. Он владел двенадцатью языками, в 25 году вышел из партии в знак протеста против голода в Поволжье. Репрессирован не был и писал книги за инструктора ЦК партии по сельскому хозяйству Матвея Алисова, здорового деревенского дядьку, приехавшего к нам с неизменным тортом "Сказка".

Бабушка, эмигрировавшая из Польши в 1914 году, была учительницей русского языка. Ближайшую комнату к нашей занимала Мария Сергеевна, ученица Циолковского по калужской школе и личный секретарь Орджоникидзе. Ее дочка Рита вечно сидела за роялем, учила вокальные партии и зубрила французский. Как Лика Мизинова, собиралась стать великой певицей и, как Лика, ею не стала.

Дальше в узкой комнате жила вдова генерала Клавдия Ивановна. Генералу Афонину, погибшему во время войны, нравилось жить в коммуналке, и он смеялся на жалобы сына про "стыдно приглашать гостей". Став вдовой, Клавдия Ивановна отказалась выезжать в отдельную квартиру. Сын, тоже ставший генералом, увел жену у Левитана. Квартира замирала, когда Афонин-младший приводил в гости красавицу Раю Левитан и заглушал происходящее в комнате громко включенным радио, по которому вещал обманутый муж. Дело было беспроектное: пока Левитан в прямом эфире — Рая в безопасности. Когда диктора ввели в курс, он потребовал, чтоб обидчик либо женился, либо расстался с мыслью о карьере.

Клавдия Ивановна доживала одна, ей не нашлось места в новой квартире сына. Она варила каши в маленьких кастрюльках и аккуратно писала расписание дежурств по коммуналке.

Дальше жила семья Жанны. Отец был на дипломатической работе, и они оказывались то в Иране, то в Индии, непременно привозя всем обитателям коммуналки сувениры.

Еще одну комнату занимала семья Олега Масаинова, ставшего кукольником и изготовившего Чебурашку. Отец его был белым офицером, а мать безупречной домохозяйкой в белых крепдешиновых блузках, с маникюром. За хорошее поведение нас, крохотных детей, водили показывать коробку телевизора, в которой три игрушечные обезьяны в концертных одеждах играли на музыкальных инструментах. Папой Карло обезьян был Олег Масаинов, а до эры электрических игрушек в России простиралась целая вечность.

Последним обитателем была Толстуха, тетка невероятных размеров и такой же вредности, прежде преподававшая географию в военной академии. Во время войны она поселилась в кладовке без окна около кухни. Каждое утро, когда соседи, спешащие на работу, делили конфорки, никуда не спешащая Толстуха ставила чайник. Когда чайник закипал, она выливали его и ставила по новой.

Большинство соседей, видимо, могло добиться отдельной квартиры, и все же жили здесь дружной семьей. Чиновные помогали простым, здоровые ухаживали за больными, вместе праздновали, горевали и хоронили. Ругались из-за очереди в ванную, обижались за плохо выполненное дежур-